

РЕКИ ЛОНДОНА

РОМАНЫ

- 1 Реки Лондона
- 2 Луна над Сохо
- 3 Whispers Under Ground
- 4 Broken Homes
- 5 Foxglove Summer
- 6 The Hanging Tree
- 7 Lies Sleeping
- 8 False Value
- 9 Amongst Our Weapons

НОВЕЛЛЫ

What Abigail Did That Summer
The Furthest Station
The October Man

РАССКАЗЫ

Tales from the Folly

BEN AARONOVITCH

Moon
over
Soho

БЕН ААРОНОВИЧ

Лутца
Наг
Сохо

fanzon

МОСКВА

2023

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
А12

Ben Aaronovitch
MOON OVER SOHO

Copyright © 2011 by Ben Aaronovitch
First published by Gollancz,
an imprint of the Orion Publishing Group, London

Дизайн и иллюстрация *Елены Куликовой*

Ааронович, Бен.

А12 Луна над Сохо / Бен Ааронович ; [перевод с английского Е. Г. Трубецкой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с. — (Fantasy World. Лучшее современное фэнтези).

ISBN 978-5-04-180262-2

Меня зовут Питер Грант, и я служу констеблем в полиции Лондона. А еще я ученик чародея — первый за последние пятьдесят лет. Мой отец — джазовая знаменитость, и я волей-неволей научился разбираться в музыке. Поэтому, когда доктор Валид пригласил меня на осмотр тела жертвы убийства, я сразу узнал звучащую в морге мелодию — джазовый стандарт «Тело и душа». Она доносилась из трупа...

Бухгалтер Сайрес Уилкинсон, саксофонист на полставки, скончался сразу после концерта. Смерть была жестокой и сверхъестественной — она оставила на теле свой загадочный след. И, хотя Уилкинсон был далеко не первой жертвой, эксгумировать трупы с целью музыкальной экспертизы мне никто не дал бы. Поэтому я начал расследование своими обычными методами. Моей помощницей стала очаровательная Симона — бывшая любовница Сайреса и любительница джаза. Очень скоро я понял: Сохо атакуют монстры. Существа с особым даром, позволяющим отличить гения музыки от просто хорошего исполнителя. Их цель — забрать всю красоту. И оставить после себя болезни, неудачи и исковерканные жизни...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Трубецкая Е.Г., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180262-2

*Посвящается Карифе,
ибо каждый отец мечтает
стать для своего сына героем.*

Люди умирали за эту музыку.
Куда уж тут серьезнее.
— Дizzi Гиллести

1

Тело и душа

ЕСЛИ ДОЛГО ЕХАТЬ в одну сторону, то рано или поздно Лондон останется у вас за спиной. Такова печальная особенность современной жизни. А если вы направитесь на северо-восток по трассе A12, то неминуемо окажетесь в Колчестере. Этот город стал первой столицей Римской империи на территории Британии, и его же первым сожгла рыжая оторва из Норфолка по имени Боудика¹. Я знаю все это из «Анналов» Тацита, входящих в мой курс латыни. Тацит выказывал странное сочувствие к восставшим бриттам и иронизировал над плохой подготовкой римских военачальников, которые *ставили удобство выше пользы*. Блестяще образованные оболтусы, командующие британской армией, очевидно, приняли этот упрек к сведению: теперь в Колчестере базируется самое крутое подразделение британских войск —

¹ Боудикка (Боудика, *кельт.* Boudic(c)a, неточная римская передача *Боудицея*, лат. *Boadicea*, ум. 61 г.) — жена Прасутага, тигерна зависимого от Рима бриттского племени иценов, проживавшего в районе современного Норфолка на востоке Англии. После смерти мужа римские войска заняли ее земли, а император Нерон лишил ее титула, что побудило ее возглавить антиримское восстание 61 года.

воздушный десант. Во время стажировки я не один субботний вечер провел на Лестер-сквер, разнимая дерущихся десантников, и теперь старательно объехал этот прекрасный город по трассе.

Потом повернул на юг и с помощью GPS-навигатора нашел съезд на шоссе В1029, что тянется по узкому перешейку между рекой Кольн и водоотводным каналом. Оно ведет в городок Брайтлинси. Лесли любит говорить, что он разбросан по побережью, словно мусор, вынесенный на берег приливом. Но у меня сложилось более приятное впечатление. В Лондоне шел дождь, но после Колчестера небо прояснилось, и теперь проглянувшее солнце озаряло спускающиеся к морю ряды чистеньких, ухоженных коттеджей в викторианском стиле.

Найти коттедж семейства Мэй было легко. Построенный где-то в семидесятых в стиле Эдвардианской эпохи, он был полностью покрыт каменной штукатуркой и весь увешан светильниками. С одной стороны от входной двери на крюке висело кашпо с голубыми цветами. С другой — виднелась керамическая табличка с номером дома, украшенная изображением яхты на волнах. Задержавшись у крыльца, я оглядел сад: возле декоративной купальни для птиц тусовалась компания садовых гномов. Глубоко вздохнув, я нажал кнопку дверного звонка.

Изнутри немедленно послышался разноголосый девичий визг. Сквозь витражное стекло в двери мне было видно только размытые силуэты, мечущиеся туда-сюда по коридору. «Там твой парень пришел!» — завопил кто-то, в ответ послышалось сердитое «шшшш», кто-то что-то сказал вполголоса. Потом в конце коридора появилось светлое неясное пятно, оно приближалось, пока не заполнило собой весь ви-

траж. Я отшагнул назад, и дверь открылась. На пороге стоял Генри Мэй, отец Лесли.

Он и так-то был крупный, а по долгу службы ему приходилось водить грузовики и перетаскивать тяжести, что добавило ширины его плечам и объема бицепсам. Однако завтраки в придорожных кафе и вечера в пабах обеспечили ему изрядное брюшко. Лицо у него было квадратное, а залысина надо лбом начинала потихоньку расти. Но он, похоже, боролся с этим просто — стригся под ноль, и сейчас волосы топорщились коротким темным ежиком. Взгляд голубых глаз был ясным и умным. Лесли, похоже, глазами пошла в отца.

Будучи отцом четырех дочерей, он, конечно, в совершенстве владел техникой внушения трепета одним своим видом. Я едва не спросил, выйдет ли Лесли поиграть.

— Добрый день, Питер, — сказал он.

— Мистер Мэй, — учтиво кивнул я.

Он не шелохнулся в дверях, все так же загораживая собой проем; приглашать меня в дом тоже не спешил.

— Лесли выйдет через пару минут.

— С ней все в порядке? — спросил я. Глупый, конечно, вопрос, и отец Лесли даже не стал утруждать себя ответом. Тут на лестнице послышались шаги, и я глубоко вздохнул, готовясь к худшему.

По словам доктора Валида, серьезно пострадали верхняя и нижняя челюсть, носовая и прилегающие к ней кости. Большая часть мышц и сосудов осталась нетронутой, однако сохранить кожный покров хирургам Университетского госпиталя не удалось. Поэтому они временно установили каркас, позволяющий дышать и принимать пищу, и шансы на то, что частичная трансплантация лицевых тканей

пройдет успешно, были по-прежнему велики. Если удастся найти подходящего донора. Говорить Лесли, естественно, не могла — ведь то, что осталось от ее челюстей, соединял сейчас тончайший каркас из гипоаллергенного металла. Доктор Валид сказал, когда кости немного срастутся, можно будет попробовать восстановить и речевые функции челюсти. Как по мне, слишком уж много «если» и «когда». «Что бы ни предстало вашему взгляду, — наставлял меня доктор, — смотрите на это, пока не привыкнете. И ведите себя так, словно она осталась прежней».

— Да вот она, — сказал Генри Мэй и посторонился. Тонкая фигурка Лесли скользнула между ним и дверным косяком. На ней была синяя в белую полоску толстовка с капюшоном. Капюшон она накинула на голову, так что он полностью скрывал и лоб, и подбородок, и туго затянула тесемку. Нижнюю часть лица скрывал сине-белый шарф в тон. Глаза Лесли спрятались за огромными старомодными очками, которые наверняка откопала в мамином шкафу со всяким старьем. Я пялился на нее в упор, но все равно не мог ничего разглядеть.

— Ты бы хоть предупредила, что мы идем грабить банк, — сказал я, — я б маску захватил.

Она бросила на меня возмущенный взгляд — я понял это по тому, как она наклонила голову и передернула плечами. В груди что-то сжалось, я глубоко вздохнул.

— Тогда, может, прогуляемся?

Она уверенно взяла меня за руку и повела прочь от дома, кивнув отцу. Мы шли, и я все время чувствовал спиной его взгляд.

Брайтлинси и летом-то не назовешь шумным городом, небольшое лодочное производство и пара

мелких заводиков не в счет. А уж сейчас, спустя две недели после окончания школьных каникул, здесь царил почти полная тишина. Только кричали чайки да изредка проезжали машины.

Я молчал, пока мы не вышли на главную улицу. Там Лесли вытащила из сумочки свой полицейский блокнот, открыла на последней странице и протянула мне.

Чем занимался? — вопрошала надпись черной ручкой поперек страницы.

— Лучше тебе не знать, — ответил я.

Она жестами показала, что нет, ни фиги не лучше.

И я рассказал о парне, которому откусила член женщина с зубастой вагиной. А еще сообщил, что старшего инспектора Сивелла после его действий во время погрома в Ковент-Гардене вроде бы вызвали в Комиссию по жалобам на полицию. Первый случай позабавил Лесли, а вот второй не очень. Я решил вовсе умолчать о том, что Теренс Потсли, второй, кто выжил после всплеска магии, изуродовавшего лицо Лесли, покончил с собой, едва ему представилась такая возможность.

Сразу на берег мы не пошли. Вместо этого Лесли повела меня обратно по Ойстер-Тенк-роуд, через тенистую парковку, где рядами стояли в прицепах вытасщенные из воды шлюпки. С моря дул холодный, резкий ветер, завывал в снастях, звенел, словно колокольчиками, металлическими частями такелажа. Держась за руки, мы пробирались между лодок, пока не оказались на бетонной набережной, продуваемой всеми ветрами. С одной ее стороны были ступеньки, которые вели вниз, к берегу, разделенному на ровные отрезки старыми полусгнившими волноломами. С другой стороны в ряд выстроились небольшие са-

райчики, выкрашенные в яркие краски. Большинство были заперты, но какая-то семья явно решила продлить себе каникулы, пока не похолодало, — родители пили чай, расположившись на крыльце, а дети гоняли по пляжу футбольный мяч.

Между последним сарайчиком и открытым бассейном была узкая полоска зеленой травы, на которой стоял еще один маленький домик. Там-то мы и решили передохнуть. Этот домик построили еще в тридцатые годы, когда люди не питали никаких иллюзий относительно британского климата. У него были такие мощные кирпичные стены, что при случае он мог послужить противотанковым укреплением. Мы устроились внутри, на скамейке в нише, куда не задувал ветер. Стены были разрисованы морскими пейзажами: голубое небо, белые облака, алые паруса. Какой-то конченный дебил написал через все небо «БиЭмЭкс» черным аэрозолем для граффити. Сбоку на стене были неряшливо намалеваны имена: БРУК Т., ЭМИЛИ Б. и ЛЕСЛИ М. Они находились именно в том месте, где их могла вывести рука подростка, сидящего на краю скамейки и не знающего, чем себя занять. Не надо быть копом, чтобы понять: именно сюда приходит потусить молодое поколение жителей Брайтлинси в трудный период своей жизни, когда возраст уголовной ответственности уже наступил, а легального употребления алкоголя — еще нет.

Лесли достала из сумочки клон АйПада и включила его. Перевела в клавиатурный режим, и АйПад заговорил. Кто-то из ее родных, очевидно, установил синтезатор речи. Модель была базовая, в речи слышался американский акцент, поэтому Лесли говорила как туповатый красавчик-серфер. Но все равно это было почти похоже на нормальную беседу.

Она спросила сразу, без всяких предисловий:

— Магией можно лечить?

— Но доктор Валид, наверное, уже обсудил это с тобой?

Я ждал, что она об этом спросит. Ждал и боялся.

— Ты скажи.

— Что сказать?

Лесли склонилась над АйПадом и стала методично тыкать пальцем в монитор. Набрал несколько строк, она нажала ввод.

— Хочу услышать это от тебя.

— Но почему?

— Потому что доверяю тебе.

Я глубоко вздохнул. Пара пенсионеров на инвалидных электроскутерах пронеслась мимо нашего домика.

— Насколько мне известно, магия подчиняется тем же самым законам физики, что и все вокруг, — сказал я.

— Что вызвано магией, — ответил АйПад, — можно магией же и исправить.

— Если обжечь руку огнем или электричеством, будет ожог. Его мажут мазью, бинтуют и все такое — но не лечат ни огнем, ни электричеством. Ты...

... лишилась лица, его кожа и мышцы распались по воле проклятого злобного духа. Твоя нижняя челюсть полностью разрушилась и сохраняла свою форму только благодаря магии, а когда она перестала действовать, твое лицо развалилось. Твое милое, прекрасное лицо. Я был там и видел это своими глазами. А помочь не мог.

...понимаешь, что по щелчку пальцев он не пройдет.

— Все на свете знаешь, да? — спросил АйПад.

— Нет, — сказал я. — Все на свете даже Найтингейл не знает.

Некоторое время Лесли сидела молча и неподвижно. Я хотел обнять ее за плечи, но не знал, как она себя поведет. И уже почти решился, когда она кивнула, будто сама себе, и снова застучала по монитору.

— Покажи, — сказал АйПад.

— Лесли...

— Покажи, — она кликнула на повтор, потом еще несколько раз. — Покажи, покажи, покажи.

— Подожди-ка, — сказал я, протягивая руку за АйПадом, но она поспешно убрала его из пределов моей досягаемости.

— Я должен вытащить аккумулятор, — объяснил я, — иначе магия сожжет чип.

Лесли раскрыла АйПад и извлекла оттуда аккумулятор. Убив пять телефонов подряд, я в конце концов обезопасил свой «Самсунг» последней модели отключающим устройством. Правда, половинки корпуса скреплялись теперь двумя эластичными ремешками. При виде этой конструкции Лесли вздрогнула и издала странный фыркающий звук — очевидно, засмеялась.

Я мысленно воспроизвел нужную *форму*, потом раскрыл ладонь, выпуская шар-светлячок. Не слишком большой, но его неяркий отсвет все же отразился в стеклах очков Лесли. Она перестала смеяться. Я сложил пальцы, и шар погас.

Несколько секунд Лесли таращилась на мою ладонь. Потом дважды, медленно и методично, повторила мой жест. Не увидев никакого эффекта, она подняла голову и посмотрела на меня. Сквозь шарф и очки ничего не было видно, но я знал, что она хмурится.

— Это труднее, чем кажется, — пояснил я. — Я целых полтора месяца тренировался каждое утро по

несколько часов. А ведь это далеко не все, что надо освоить. Я говорил, что одновременно нужно учить латынь и греческий?

Некоторое время мы молчали. Потом она пихнула меня в плечо. Вздохнув, я засветил еще один «светлячок». К этому моменту я уже, наверно, даже во сне мог их лепить. Лесли повторила мое движение — ничего не произошло. Нет, кроме шуток, этому и правда надо учиться очень долго.

Пенсионеры на скутерах наперегонки катили обратно по набережной. Я погасил шар, но Лесли продолжала воспроизводить мое движение, с каждым разом все более резко и нетерпеливо. Я смотрел на это, пока мог, потом мягко накрыл ее ладонь своей.

Скоро мы двинулись обратно к ее дому. Когда дошли, она похлопала меня по руке, шагнула через порог и захлопнула дверь прямо у меня перед носом. Сквозь витраж я видел только неясный силуэт: она быстро прошла по коридору и совсем пропала с глаз.

Я развернулся и уже собрался уходить, как вдруг дверь открылась снова, и отец Лесли вышел на крыльцо.

Людам, подобным Генри Мэю, нелегко дается смущение, поэтому они не умеют его скрывать.

— Питер, — сказал он, — я тут подумал, может быть, выпьете со мной чайку? В центре есть кафе.

— Спасибо, — ответил я. — Но мне надо возвращаться в Лондон.

— А, — сказал он и шагнул ближе. — Она не хочет, чтобы вы видели ее без маски. — Он махнул рукой в сторону двери: — Ну, если вы зайдете, ей ведь придется снять маску — вот она и не хочет, чтобы вы ее видели. Надеюсь, вы ее понимаете, а?

Я кивнул.